

Олег Губарь

О любви

Название украл у Чехова, а все остальное разумнее всего было бы украсть у самого юбиляра. Но прежде стибрю еще фразочку Антона Палыча – о том, что когда любишь, «не нужно рассуждать вовсе».

Если любишь глубоко, беззаветно, застенчиво, трудно извлечь что-либо из такущей бездны. Это – как засветить бесценную фотопленку. Или – как запустить в океанариум, на всеобщее обозрение, таинственную рыбу-кита, предположительно обитающую в Марианской впадине. Да и не выживет она на свету без привычного давления окружающей среды и прочих дней недели.

Черная кошка в темной комнате точно есть, но искать ее не надо. Пусть себе живет и ходит сама по себе.

Опять-таки трудно говорить о любимом человеке обтекаемо, скользя по поверхности. Рисовальщику легче – штриховать по периферии лица, и тем делать его зримым, рельефным.

Штриховка может означать силовое поле, вибрирующее, меняющее мощность и видимые очертания: от доверчивого, легкого, как поцелуй младенца, или седативного, терапевтического, до решительно обволакивающего, поддерживающего, поднимающего с колен, турбулентного.

М. М. – сам по себе и есть то чувство, которое я к нему испытываю.

Смоделировать эмоциональное силовое поле в виде слогана? Все равно что наивно представлять ток в образе направленного потока электронов.

Написать учебно-наглядное пособие по Жванецкому? Бессмыслица.

Что еще бросается в глаза. Облепленный миллионами, М. М. оказывается предо мною катастрофически одиноким. Может быть, самым одиноким в этом мире.

Говорят, каждый умирает в одиночку. Мало кто живет в одиночку, словно небесное тело. Публичный человек, живущий в одиночку, – как бы нонсенс. Только не в этом случае.

Никогда у меня не получалось написать об М. М. что-нибудь внятное. Так, пару фраз:

– Портфель Жванецкого. В двух отделениях.

– Жванецкий – на самом деле, до горечи печальный писатель, да еще одинокий, как Эйфелева башня.

Человек – он кто? он что? Он – силовое поле. Любви.

Я говорю об Этом Человеке.